

...ЧТОБЫ ДУША НЕ ЗАЧЕРСТВЕЛА

Это было в канун наступающего Нового года. Я зашел за хлебом, и когда девушка-продавщица подала мне батон, очень рассердился: как не стыдно продавать хлеб ночной выпечки! Я вышел на улицу, но потом мне стало стыдно, я вернулся в булочную и купил вместо одного два батона.

Ты, конечно, ничего не понимала, продавщица, да и откуда знать тебе, молоденькой, что значил хлеб для нас, вечно голодных детей военного времени. Сколько лет и десятилетий прошло, а он не забывается, не дает зачерстветь душе, этот черствый хлеб военных лет.

А потом в тот же день в дверь моего кабинета в Союзе писателей осторожно постучали, и молодой парень ввел за руку седого стройного человека с воздетым вверх лицом.

— Мне бы Нодара, если можно, Думбадзе, — сказал он.

Сердце выскочило из грудной клетки, я подбежал к нему, обнял, подвел к стулу:

— Пожалуйте, батона Шушуни.

...Это было 35 лет назад, 1 января 1942 года. Во дворе чохатаурского районного клуба шумело, бурлило, плакало и пело море народа: проводили солдат на войну. Здесь

были старики и дети, незамужние девушки и будущие вдовы. Вдруг все смолкло — во двор, держась за локоть молодой девушки, вошел парень лет двадцати пяти, с лицом, обращенным к небу, и широко открытыми глазами. Это был Шушуни Таваркиладзе, и все знали, что он слеп от рождения.

В долгом тяжелом безмолвии только слышался с другого конца двора голос военкома, проводившего перекличку, и в ответ то дерзко и лихо, а то задумчиво и грустно раздавалось:

— Здесь!

Из раскрытых глаз Шушуни лились слезы.

— Спой нам что-нибудь на прощанье, — попросил кто-то, и девушка протянула ему пандури.

35 лет прошло с той поры, 35 новогодних рассветов встретил я, 35 лет проводил, многое сделано нашим народом за эти годы, многое построено и написано, много зарубок осталось в памяти, но никогда не забыть мне чохатаурского клубного подворья и того, как уходили солдаты, на прощанье целуя Шушуни, уходили, чтобы не вернуться.

— Пожалуйста, батона Шушуни, — воскликнул я, — садитесь, скажите, зачем побеспокоились...

— Ты узнал меня, Нодар, — ответил мне седой мужчина, — зашел я просто так, был в городе и зашел, не хотел умереть, не повидава тебя, — и он коснулся моего лица своими ясновидящими руками.

Не знаю, как эта встреча отразится в том рассказе или романе, что я напишу, какое место займут в нем Шушуни Таваркиладзе или девочка из булочной, но все, что написано мною до сего дня, написано о них и для них, для этих простых, добрых, честных, мужественных людей, которые учили меня главному в жизни — учили жить.

Эти свежие впечатления не успели, конечно, войти в книгу «Десять рассказов», которую только что получили читатели (издательство «Мерани»), но и Дидроя, и Гудули, и все другие герои этих небольших новелл так же хорошо известны и памятливы мне, как Шушуни, я их так же люблю и всегда благодарен им.

Что я еще могу сделать для них, как отплачу за их сердечность и мудрость, как докажу, что помню все, чему они меня учили?

Собираюсь на несколько месяцев поехать в какую-нибудь из наших деревень, пожить с теми, кто растит хлеб наш насущный...

Впрочем, это уже из области планов и задумок, а это уже другая газетная рубрика, не так ли?

Мим газете "1984, 12.08.84. № 2"